

Воздействие наказания и прощения: основы для оценки результативности правосудия переходного периода

Пьер Азан*

Пьер Азан является старшим научным сотрудником Института мира США в Вашингтоне.

Краткое содержание

Комиссии по установлению истины, международные уголовные трибуналы, репарации, публичные извинения и другие механизмы правосудия переходного периода – все это новые мантры эпохи, начавшейся после «холодной войны». Их цель заключается в том, чтобы добиться примирения в обществах, переживших широкомасштабные нарушения прав человека, содействовать проведению реформ и развитию демократии и, в конечном итоге, снизить напряженность в обществе. Но какова действительная эффективность этих механизмов, функционирующие которых в финансовом и политическом отношении поддерживаются международным сообществом и НПО? Фактически очень немного известно об их действенности. Анализируя гипотезу, лежащую

* Автор хотел бы поблагодарить Институт мира США, Швейцарский национальный научный фонд, ref. 100.012-102025 (октябрь 2003 г. – сентябрь 2005 г.), Программу по правам человека Гарвардской школы права (январь – июль 2005 г.) и факультеты экономики и общественных наук (SES) и права Женевского университета.

в основе идеи правосудия переходного периода, рассматривая проблемы функционирования системы этого правосудия и предлагая ряд показателей для оценки результатов, данная статья поможет восполнить существующий пробел.

Правосудие переходного периода стало новой мантрой национальной и международной политики после окончания «холодной войны». В течение 20 лет комиссии по установлению истины появились повсюду в мире, система международного уголовного правосудия развивалась беспрецедентными темпами, и никогда ранее не приносилось такого количества публичных извинений и не производилось таких выплат репараций жертвам нарушений прав человека. До 1989 г. о зверствах прошлого никогда не вспоминали столь энергично.

Правосудие переходного периода несет на себе печать всех противоречивых тенденций 90-х гг. прошлого века – и тех, что вселяют надежду, и трагических. К положительным можно отнести крах коммунистических диктатур в бывшей Советской империи, конец режима апартеида в Южной Африке и консолидацию демократических обществ в Латинской Америке. А к трагическим – геноцид в Руанде и политику этнических чисток на Балканах, на Кавказе и в Африке. Во всех этих регионах усилия, направленные на преодоление прошлого и борьбу с продолжающимися преступлениями, привели к появлению множества инициатив, вызвавших самые разные чувства. Практически одновременное создание Южноафриканской комиссии по установлению истины и примирению и Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии стало отражением бурной дискуссии середины 90-х гг. XX столетия между сторонниками политики прощения и теми, кто выступал за политику наказания – и те, и другие считали, что наилучшим образом способствуют достижению цели «примирения»¹.

В наши дни международное сообщество подчеркивает важность как внесудебных механизмов, предназначенных для нормализации жизни общества, так и уголовного наказания, налагающего клеймо позора. В области самого правосудия переходного периода восстановительное и уголовное правосудие воспринимаются как необходимые элементы,

1 См. работы Десмонда Туту, в частности: *No Future without Forgiveness*, Rider, London, 1999. Резолюция 955 Совета Безопасности ООН, которая учредила МУТР в 1994 г., четким образом определяет цель Трибунала – достичь «примирения» среди руандийцев: «...будучи убежден в том, что в конкретных условиях Руанды судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права [...] содействовало бы процессу национального примирения и восстановлению и поддержанию мира...».

поскольку они дополняют друг друга². Таким образом, после окончания «холодной войны» в мире, который характеризуется возрождением нравственности в международных отношениях, эта взаимодополняемость уголовного и восстановительного правосудия играет важнейшую роль. Она является как гарантией сохранения основ цивилизации, так и хрупкой надеждой на построение лучшего мира³.

По мнению государств, которым грозит распад, когда ценности и социальные связи разрушаются, правосудие переходного периода представляет собой альтернативное средство, используемое для того, чтобы избежать эскалации насилия и мести. Созвучное потребностям жертв и общества правосудие переходного периода направлено на возмещение причиненного им ущерба. Но оно может быть и чем-то большим. Его цель заключается в том, чтобы мобилизовать активные силы общества и помочь им признать факты массовых нарушений прав человека в прошлом, – это даст возможность начать движение по пути, ведущему к зарождающейся демократии. В этом смысле традиционное правосудие представляется Новым Иерусалимом: оно указывает дорогу к институциональным и политическим реформам, которые постепенно приведут к установлению и консолидации мира и господству права. Здесь видится эсхатологическое измерение правосудия переходного периода – общество стремится освободиться от трагического исторического наследия и опровергнуть идею обреченности мира.

Правосудие переходного периода – это утопия в положительном значении этого термина, утопия, которая в соответствии с ее постулатами дает возможность обществу мобилизоваться и действовать, помня о том, что перед ним стоят огромные задачи, как и указывается в Докладе ООН «Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах»:

«...оказание помощи пережившим войну обществам в восстановлении господства права и ликвидации последствий крупномасштабных нарушений законности в прошлом, причем в условиях, когда инфраструктура разрушена, ресурсы истощены, общая ситуация

2 См., в частности: Доклад Генерального секретаря ООН «Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах» от 3 августа 2004 г., S/2004/616. ООН провела испытание такого смешанного подхода в Сьерра-Леоне, учредив Специальный суд и Комиссию по установлению истины. Симптоматично, что сейчас Десмонд Туту выступает за то, чтобы виновные в совершении политических преступлений, которые не обратились в Комиссию по установлению истины с просьбой о прощении, предстали перед судом в Южной Африке. См. «Tutu urges apartheid prosecutions», <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4534196.stm> (последнее посещение сайта в январе 2006 г.). МТБЮ, со своей стороны, высказался в пользу того, чтобы в странах бывшей Югославии были созданы комиссии по установлению истины.

3 См., в частности: Eleazar Barkan, *The Guilt of Nations: Restitution and Negotiating Historical Injustices*, W. W. Norton and Company, New York, 2000; Alex Boraine, *A Country Unmasked, Inside South Africa's Truth and Reconciliation Commission*, Oxford University Press, Oxford, 2000/ Priscilla B. Hayner, *Unspeakable Truths, Confronting State Terror and Atrocity*, Routledge, New York and London, 2001; Martha Minow, *Between Vengeance and Forgiveness: Facing History after Genocide and Mass Violence*, Beacon Press, Boston, 1998.

остается беспокойной, а население психологически травмировано и разделено, это сложнейшая и зачастую непосильная задача. В процессе ее решения обнаруживается тотальный дефицит, в том числе отсутствие политической воли к проведению реформ, отсутствие организационной автономии у системы юстиции, слабость национальной технической базы, нехватка материальных и финансовых ресурсов, недоверие населения к правительству, неуважение прав человека официальными органами и, в более общем плане, отсутствие мира и безопасности»⁴.

Добиться повышения уровня безопасности в очагах напряженности – это поистине сложнейшая задача. Очевидно, что правосудие переходного периода требует от общества сделать важнейший выбор. Оно способствует утверждению норм, которые составляют основу функционирования международной системы. Там, где пересекаются нравственные нормы, политика, право, история и психология, правосудие переходного периода сужает рамки национального суверенитета, ограничивая определение дипломатической неприкосновенности и допустимой сферы применения амнистии. Это повлияло и на динамику урегулирования конфликтов, сделав работу посредников при ведении переговоров с враждующими сторонами более трудной, – какие гарантии могут предложить они политическим и военным лидерам или полевым командирам, которым завтра может быть предъявлено обвинение в совершении ужасных преступлений?

Правосудие переходного периода стало одной из существенных черт эпохи после окончания «холодной войны». Международное сообщество приложило немало сил и предприняло серьезные шаги – в том, что касается финансов, политики и символики, – для того чтобы утвердились политика и механизмы прощения и наказания. Большую роль в работе некоторых комиссий по установлению истины, например в Сальвадоре и на Гаити, сыграла Организация Объединенных Наций. Кроме того, Совет Безопасности ООН учредил два специальных трибунала, по бывшей Югославии и Руанде, расходы на их функционирование составляют более 15% современного бюджета ООН. Со времени их создания в 1993–1994 гг. на эти два трибунала Организацией Объединенных Наций было истрачено более 1,6 млрд долларов США; сейчас они обходятся более чем в 250 млн долларов в год⁵.

За 15 лет правосудие переходного периода стало областью знаний со своими собственными системами, практикой, институтами, специалистами, учеными, публикациями и дебатами, а с 2000 г. оно вошло в учеб-

4 Доклад Генерального секретаря ООН «Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах», см. выше примечание 2.

5 *Ibid.*, p. 14.

ные планы некоторых университетов. Его деятельность широко освещается в прессе, поскольку утверждает новые ценности общества и международного сообщества и является поэтому предметом бурных дискуссий.

Хотя по вопросам правосудия переходного периода имеется значительный объем литературы, работ, в которых бы расшифровывался его *modus operandi* и эмпирическим путем оценивалось его воздействие, очень мало. Тому есть две причины: методологические препятствия (см. ниже) и тот факт, что дебаты по вопросу правосудия переходного периода и, в частности, международной уголовной юстиции, сильно идеологизированы. Они не только поляризованы, но и превращены в некий ритуал и при тщательном анализе оказываются разочаровывающими. Они традиционно ставят сторонников правосудия переходного периода, которые рассматривают его как хаотичный, но необходимый процесс, делающий политику более нравственной, высвобождая динамичные силы общества, в оппозицию тем, кто резко его критикует – либо весь процесс в целом, либо, по крайней мере, некоторые его аспекты. Будучи одним из многих, генерал Голлуа, например, считает, что международная уголовная юстиция – это просто селективная политическая форма правосудия, средство установить силовыми методами «судебный апартеид», разделив всемогущий Запад и слабые страны:

«Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии является таким же орудием войны, какими могут быть бомбардировки или экономическая блокада. В современных войнах есть несколько стадий... стадия дезинформации, направленной на очернение противника... суд над «покоренными», добавляющий последние штрихи к оправданию войны. Право на вмешательство на гуманитарном и военном уровнях теперь дополнено правом на вмешательство в области уголовного права»⁶.

Другие, например индийский антрополог Нандини Сундар, видят в нем выражение лицемерной политики Запада, который поддерживает международные уголовные институты, когда те действуют против его противников, но оставляет за собой право выразить робкое сожаление, когда речь идет о его собственных преступлениях⁷.

Фактически многие обозреватели и практики правосудия переходного периода справедливо указывают на то, что о его воздействии практически ничего не известно. Множество государств создали механизмы правосудия переходного периода при поддержке международного сообщества

6 Pierre Marie Gallois, Jacques Vergès, *L'apartheid judiciaire: le Tribunal pénal international, arme de guerre*, L'Age d'Homme, 2002, p. 11.

7 Nandini Sundar, «Toward an anthropology of culpability», *American Ethnologist*, Vol. 31, № 2, pp. 145–163.

и многих неправительственных организаций (НПО). Но какие же доходы принесли эти финансовые, моральные и политические инвестиции? Что дали эти судебные и внесудебные процедуры? Насколько же в действительности оправдались надежды на правосудие переходного периода (примирение, стабильность, демократизация...)? Куда может международное сообщество с большей эффективностью направить свою поддержку, чтобы укрепить гражданское общество и помочь ему преодолеть разделения и разногласия, возникающие в результате внутренних конфликтов?

В упоминаемом выше Докладе ООН уже извлечены некоторые уроки⁸. Среди других подобных работ данная статья является скромной попыткой способствовать заполнению этого пробела⁹. Автор старается понять *modus operandi* правосудия переходного периода и оценить некоторые из его результатов. Для этого прежде всего необходимо определить механизмы правосудия переходного периода, затем проанализировать лежащую в его основе логику и, наконец, рассмотреть десять задач, которые правосудие переходного периода собирается решить.

Правосудие переходного периода: механизмы

Как уже говорилось, сторонники правосудия переходного периода считают, что политика прощения и (или) наказания дает возможность восстановить достоинство жертв, внести вклад в дело национального примирения благодаря попыткам выявить истину и добиться справедливости, как символической, так и уголовной, предотвратить новые преступления, участвуя в восстановлении и поддержании мира, и установить и укрепить господство права, проведя институциональные и политические реформы.

Это как индивидуальные, так и общественные цели – от психологического выздоровления отдельных жертв до «национального примирения» благодаря формированию новой коллективной идентичности.

Правосудие переходного периода использует целый ряд приемов для достижения этих целей: судопроизводство, комиссии по установлению истины, законы о люстрации и скрининге, репарации, публичные извинения, формирование общего видения истории¹⁰.

8 См. выше примечание 2.

9 Среди них можно упомянуть: Eric Stover and Harvey M. Weinstein (eds.), *My Neighbor, My Enemy, Justice and Community in the Aftermath of Mass Atrocity*, Cambridge, 2004, Cambridge University Press, Eric Brahm, «Getting to the bottom of truth: evaluating the contribution of truth commissions to post-conflict societies», paper presented at the International Studies Association Annual Meeting, Honolulu, Hawaii, March 1–5, 2005; *Forgotten Voices: A Population-Based Survey on Attitudes about Peace and Justice in Northern Uganda*, ICTJ and the Human Rights Center, University of California, Berkeley, July 2005; A Call for Justice: *A National Consultation on Past Human Rights Violations in Afghanistan*, <http://www.aihrc.org.af> (последнее посещение сайта в январе 2006 г.; Hayner, см. выше примечание 3.

10 Этот путь избран большинством бывших коммунистических режимов советского блока; мы не будем его касаться в данной статье.

Эти методы используются избирательно, одновременно или даже поочередно, в зависимости от ситуации. Некоторые страны, например, решили не вести судебного преследования, другие одновременно учредили комиссии по установлению истины и проводили судебные расследования, а третьи начали с политики прощения, а затем перешли к политике наказания. Эту общую тенденцию расширить сферу правосудия переходного периода разнообразит решение Мозамбика предоставить общую амнистию в конце ужасной гражданской войны в 1992 г., Алжир поступил практически так же осенью 2005 г.¹¹

Основные механизмы правосудия переходного периода

Судебное производство

Оно включает различные формы карательной политики, реализация которой впервые нашло свое выражение в создании Международного военного трибунала в Нюрнберге: международные уголовные трибуналы, смешанные трибуналы, Международный уголовный суд. Цель всех этих учреждений заключается в том, чтобы положить конец международным преступлениям (военным преступлениям, преступлениям против человечности и преступлению геноцида) и, также в соответствии с их мандатами, серьезным нарушениям прав человека.

Комиссии по установлению истины

Комиссии по установлению истины (которые иногда называются комиссиями по установлению истины и примирению) ориентированы на жертвы. Их практика является внесудебной и в зависимости от контекста дополняет или заменяет судопроизводство.

Репарации

Эта форма так же стара, как и сама война. Но здесь мы имеем в виду сравнительно новое явление – меры, которые принимаются в интересах жертв либо правопреемников лиц, подвергавшихся преследованию из-за своего происхождения или гражданской принадлежности. Первые репарации такого рода выплачивались Федеративной Республикой

11 Алжирские власти провели референдум, в ходе которого под сильным давлением со стороны властей большинство населения высказалось в пользу очень широкой амнистии для тех, кто совершил преступления во время гражданской войны. Международные наблюдатели ставили под вопрос истинность результатов этого референдума.

Германия начиная с 1952 г. оставшимся в живых жертвам нацистской политики истребления и бывшим узникам концентрационных лагерей. Это добровольные выплаты отдельным лицам или группам лиц, которые осуществляет государство, исходя из этических или политических соображений¹². В настоящее время существуют еще и репарации, решение о выплате которых может быть вынесено уголовными судами.

Публичные извинения

В сожалении, выражаемом главой государства или высокопоставленными должностными лицами, нет ничего нового. Но после окончания «холодной войны» число таких актов раскаяния оказалось беспрецедентным. В конце 1990-х гг. все западные лидеры принесли публичные извинения за преступления прошлого, в том числе те из них, которые были совершены несколько веков назад. Тони Блэр, например, попросил прощения от лица Британии за голод в Ирландии в XIX в. Жак Ширак – за депортацию евреев, Герхардт Шредер – за нацистское прошлое Германии, а Билл Клинтон – за позицию его страны во время геноцида в Руанде, за работорговлю и рабство и за поддержку диктаторских режимов в Латинской Америке.

Формирование общего видения истории

Судебное производство, комиссии по установлению истины (и примирению), публичные извинения и выплата репараций – все это играет определенную роль в том, как государство видит свою историю, заявляя о своей самоидентификации и своих новых ценностях. Этот процесс исторического осознания проходит одновременно с более широким процессом, который знаменуется открытием архивов, переписыванием учебников по истории, сооружением мемориалов и мемориальных музеев и учреждением дней памяти.

Постулаты правосудия переходного периода

В очень немногих работах внимание сосредоточено на постулатах правосудия переходного периода. При ближайшем рассмотрении правосудие переходного периода зиждется на двух основополагающих и взаимодополняющих принципах. Первый заключается в том, что политика «кну́та и пряника» подготавливает «плохих учеников» к жизни в общест-

12 Это определение в значительной степени основано на определении Эрика Познера и Адриана Вермеля: Eric Posner and Adrian Vermeule, *Reparations for Slavery and Other Historical Injustices*, Vol. 103, pp. 689–748, 2003, esp. p. 694.

ве, прививая им уважение к правам человека. Это нормативный метод воспитания, предназначенный для политической элиты и военных, – другими словами, процесс, идущий сверху вниз. Второй же принцип воплощается в процессе, протекающем снизу вверх. В его основе лежит мысль о том, что общества, запятнанные кровью в ходе гражданских войн, или народы, ставшие жертвой диктаторских режимов, должны освободиться от своего страшного прошлого, чтобы исцелиться. Этот процесс «национального катарсиса» направлен на то, чтобы освободить членов соответствующего общества от эмоционального стресса, направив эмоции на восстановление национальной самоидентификации.

Мир достигается установлением норм

Развитие правосудия переходного периода основано на идее о том, что установление новых норм, например, постепенно подготавливает тех, кто проводил этнические чистки, и полевых командиров к жизни в обществе и дает в конце концов возможность стабилизировать международную систему. Два автора, Марта Финнемор и Катрин Сиккинк, с большой убежденностью объясняют, что нормы действуют в качестве корсета на государствах, постепенно ограничивая их пространство для маневра¹³. Они контролируют поведение различных акторов, заново определяют их самоидентификацию и внушают новые ценности, которые постепенно «пропитывают» национальные институты.

По мнению Финнемор и Сиккинк, это нормативное изменение действует как трехступенчатая ракета: прежде всего промоуторы норм – НПО – используют силу обличения с тем, чтобы поставить вне закона и изолировать нарушителей прав человека; это привлечение внимания к проблеме. Для этого НПО вступают в союз с государствами, которые заняли определенную нишу в международных отношениях, где их роль заключается в том, чтобы быть хранителями нравственных ценностей, арбитрами или посредниками, такими как Швейцария, Швеция, Норвегия и Канада. Обычно это протестантские страны, которые не являются крупными державами и не обременены колониальным прошлым и, таким образом, не имеют своей заповедной зоны, которую надо защищать, как это делают, например, Франция и Соединенное Королевство.

Затем НПО начинают деятельность, направленную на то, чтобы добиться универсального признания этих норм при поддержке международных организаций и государств. Последние считают, что нравственная позиция дает

13 Martha Finnemore and Kathryn Sikkink, «International norm dynamics and political change», *International Organisation*, Vol. 52, № 4 (Autumn 1998), pp. 887–917. См. также Jack Snyder and Lesli Vinjamuri, «Trials and errors, principle and pragmatism in strategies of international justice», *International Security*, Vol. 28, № 3 (Winter 2003/04), pp. 5–44.

им политическое преимущество. И в соответствии с таким подходом на заключительном этапе все государства постепенно принимают эти нормы.

С упорствующими сторонами ведется «стратегический торг». Если они принимают правила международного сообщества, то получают определенные преимущества (например, доступ к кредитам Всемирного банка и Международного валютного фонда, возможность подать заявление о принятии в Европейский союз), а если они отказываются, им за это приходится платить. Сотрудничество стран бывшей Югославии с Гаагским трибуналом – прекрасный пример такого подхода: Сербия передала Слободана Милошевича Международному уголовному трибуналу по бывшей Югославии (МТБЮ) только потому, что Запад согласился предоставить ей кредит в 10 млрд долларов США на том условии, что бывший президент Сербии будет передан в тюрьму МТБЮ. Эта дипломатия чековой книжки получила затем развитие в решении стран Европейского союза о том, чтобы сотрудничество с МТБЮ стало необходимым условием для ведения переговоров о принятии Сербии и Хорватии в Европейский союз. Именно таким давлением и объясняется тот факт, что практически все обвиняемые были арестованы. Подобный стратегический торг заставляет упорствующие государства принимать в своих структурах процедуры, которые удовлетворяют западных спонсоров. И на заключительной стадии эти внешние ограничительные условия в конце концов усваиваются до такой степени, что становятся частью интегративной культуры в этих учреждениях. После завершения этого процесса социализации давление начинает оказываться изнутри, что приводит к появлению государства, где действительно действует принцип господства права.

Мир достигается очищением общества

Этот нормативный подход сочетается с психологическим подходом, основанным на концепции метаморфизма национальной самоидентификации. Его цель заключается в «национальном примирении», процессе, благодаря которому бывшие противники учатся сосуществовать без насилия. Для этого требуется заключение нового социального договора, который сможет разорвать «круг насилия и мести», – это один из основополагающих принципов правосудия переходного периода. Он основан на концепции целительности рассказывания, в соответствии с которой, поведав о своих страданиях в торжественной обстановке уголовного трибунала или комиссии по установлению истины, жертвы смогут «вернуть себе» достоинство.

Благодаря обнаружению истины происходит очищение нации, что дает возможность написать общую историю вместо взаимоисключаю-

щих и противоречащих друг другу воспоминаний и самоидентификации. Национальная самоидентификация трансформируется. Наиболее знаковым является пример Южной Африки: учредив Комиссию по установлению истины и примирению и поменяв флаг и национальный гимн, ей удалось эффективно мобилизовать символы для содействия изменению национальной самоидентификации, сконцентрированной на идее Радуги-нации, новой Южной Африки.

Оценка результатов

До сих пор мы определяли механизмы и постулаты правосудия переходного периода, но в какой степени при помощи этих механизмов достигаются поставленные цели? Прежде всего следует подчеркнуть трудности, с которыми здесь приходится встречаться. Начнем с методологических. Как можно оценить политическую и символическую ценность какого-либо международного уголовного трибунала или комиссии по установлению истины в глазах общественного мнения? Подчеркнем, что конкретный результат деятельности таких учреждений должен быть отделен от других факторов, на которые они влияют, например от политического развития страны. Эта изначальная трудность осложняется использованием нечетких нравственных понятий, таких как истина, прощение или примирение. Давайте рассмотрим в качестве примера хотя бы примирение: следует ли его определить как отсутствие мщения? Как мирное сосуществование некогда враждовавших группировок? Или как социальную реальность, отмеченную тесным взаимодействием различных групп? Кроме того, некоторые авторы с осторожностью относятся к этому термину, предпочитая использовать выражение «восстановление общества»¹⁴. Еще одна трудность состоит в определении критерия, который можно было бы использовать для «измерения» предотвращения преступлений, – результат, которым так гордится правосудие переходного периода. Сдерживание по определению трудно оценить, для этого требуются гипотетические аргументы, основанные на вопросе «что, если?»

Короче говоря, трудность при выделении переменных величин, использование двусмысленных понятий, рассуждения, основанные на гипотетических построениях, – все это делает задачу крайне сложной. Однако, несмотря на все эти трудности, давайте попытаемся прояснить понятия в свете важности стоящих перед нами социальных проблем.

14 См., например, Eric Stover and Harvey M. Weinstein (eds.), см. выше примечание 9, pp. 13–15. Автор придерживается общепринятого значения термина «примирение».

Временные измерения правосудия переходного периода

Следует отметить, что воздействие правосудия переходного периода проходит несколько этапов. Особенно ярким является пример Германии. Анализ показывает, что до 60-х гг. XX столетия большинство немцев рассматривали Трибунал в Нюрнберге только как правосудие победителей. Они считали, что ковровые бомбардировки Дрездена, Гамбурга и Берлина силами США и Великобритании уже и были той ценой, которую немецкое общество заплатило за преступления нацистов. И только в 1970-е гг. Нюрнбергский трибунал стал неотъемлемой частью ценностной ориентации Германии, сыграв свою роль в том, что молодое поколение усомнилось в позиции, которую их отцы занимали во время войны, что привело к быстрому распространению пацифизма.

Чтобы проанализировать воздействие правосудия переходного периода после окончания «холодной войны», необходимо дать определение временным переменным величинам. В отличие от Нюрнбергского трибунала международное правосудие иногда начинает действовать даже до окончания военных действий; примерами являются МТБЮ, учрежденный в разгар конфликта в бывшей Югославии, и Международный уголовный суд (МУС), которому Совет Безопасности ООН передал ситуацию, связанную с продолжающимся кризисом в Дарфуре (Судан).

Поскольку механизмы правосудия переходного периода отражают соотношение сил, но в то же самое время способствуют его изменению, очень важно принять во внимание временное измерение. Оценка, проведенная через какой-то период времени, демонстрирует эту динамичную реальность. Бывает, что потерпевшие поражение или лишённые былой силы лидеры сначала сохраняют определенное деструктивное влияние, которое иногда дает им возможность принимать участие в переговорах относительно формы нового порядка внутри страны. Однако их сила и способность объединить сторонников постепенно убывают, в основном благодаря эффективности механизмов правосудия переходного периода. Так произошло в Чили, где комиссия по установлению истины внесла свой вклад в падение популярности генерала Пиночета, способствуя формированию нового баланса сил и годами позже открыв путь судебным процессам, которые ранее были совершенно невозможны.

В зависимости от контекста можно выделить четыре этапа в работе правосудия переходного периода.

1. Этап вооруженного конфликта или репрессий, когда те политические и военные лидеры, которые полностью или частично удерживают власть, весьма осложняют работу международных судов (наиболее распространенные механизмы правосудия переходного периода, ко-

- торые в состоянии действовать в такое время), поскольку военное усилие и пропаганда мобилизовали население¹⁵.
2. Период непосредственно после конфликта (первые пять лет), когда полевые командиры могут (но необязательно) использовать свои возможности, чтобы вносить дезорганизацию, и мобилизовать СМИ и лояльные по отношению к ним структуры.
 3. Среднесрочный период (от 5 до 20 лет), когда общество, находящееся в процессе социального и политического восстановления, вырабатывает новые ценностные ориентиры. В новой политической обстановке лица, обвиняемые в правонарушениях, и поддерживающие их структуры слабеют. Отсюда и целый ряд арестов в бывшей Югославии, поскольку более 80% обвиняемых – за исключением двух наиболее известных скрывающихся от правосудия лиц – были взяты под стражу именно в этот период.
 4. Долгосрочный период, когда подрастает новое поколение, которое гораздо лучше осознает необходимость преодолеть давние разногласия.

Механизмы правосудия переходного периода должны оцениваться в связи с этими разными стадиями его функционирования.

Десять показателей для оценки правосудия переходного периода

Мы отобрали десять показателей для оценки эффективности правосудия переходного периода в достижении целей, поставленных перед ним международным сообществом, – способствовать достижению национального примирения, региональной стабильности и международной безопасности.

Все эти показатели являются индикаторами результатов деятельности правосудия переходного периода. Некоторые применимы только к политике наказания, другие – к политике прощения и третьи – и к тому, и к другому. Кроме того, они отражают обязательства, взятые по отношению к обществу и особенно жертвам серьезных нарушений прав человека. Они являются ориентирами для правосудия переходного периода.

Показатели для международного (и смешанного) уголовного правосудия

1. Пенитенциарная эффективность международных и смешанных уголовных трибуналов.
2. Воздействие «показательных процессов».
3. Эффект сдерживания.

15 Механизмы правосудия переходного периода создаются и в ситуациях, которые не являются войной или внутренним конфликтом, как было, например, в Южной Африке.

Показатели для комиссий по установлению истины

4. Установление «истины».
5. Презентация «истины».
6. Рекомендации для институциональных реформ и их осуществления.

Общие показатели

7. Терапевтический эффект.
8. Эффективность публичных извинений.
9. Эффективность репараций.
10. Процесс изложения общей хроники событий.

Показатели для международного уголовного правосудия

Пенитенциарная эффективность международного правосудия

По мнению сторонников международного уголовного правосудия, установление истины и наказание преступников являются совершенно необходимыми условиями для примирения и восстановления и поддержания мира¹⁶.

В данном разделе мы обратимся только к вопросу об эффективности уголовного правосудия. Каковы условия, которые могут привести к такой эффективности? После краткого рассмотрения вопроса становится очевидным, что пенитенциарная эффективность международных трибуналов зависит от параметров двух типов: внешние параметры, касающиеся сотрудничества с ними государств, и внутренние параметры, касающиеся функционирования этих судебных институтов. Ниже характеризуются два обстоятельства, налагающие ограничения на функционирование международного правосудия. Во-первых, несомненно, что, если государства не сотрудничают с трибуналом, его возможности действовать сильно снижены. Во-вторых, несомненна двусмысленность существующих норм для основных обвиняемых в совершении массовых преступлений, которые должны преследоваться в судебном порядке во время конфликта или сразу же после его окончания.

Внешние параметры. Способность международных трибуналов отправлять правосудие в значительной степени зависит от тех, кто удерживает политическую или военную власть. Короче говоря, последние могут составлять две группы: мощные государства, в частности постоянные члены Совета Безопасности ООН, и государства и структуры, не являющиеся государствами (армия, ополчения, партизанские силы и т.д.),

¹⁶ См., в частности, резолюции Совета Безопасности ООН 808, 827 и 955, которые учреждают два специальных трибунала ООН.

в отношении которых органы международного правосудия должны осуществлять свои полномочия.

В случае двух специальных трибуналов ООН крупные державы различными способами помогают определить их пенитенциарную способность: именно они обозначили мандат и выбрали судей и обвинителя, они решают, предоставлять ли политическую и финансовую поддержку, регулируют степень своего сотрудничества в соответствии с собственными национальными интересами, имеют в своем распоряжении сложные системы мониторинга, чтобы проследить связи через цепочку подчинения и помочь обвинителю получить доказательства, производят аресты обвиняемых, часто в ходе грубых действий подразделений командос, и оказывают (или воздерживаются от оказания) давление на враждующие стороны для того, чтобы заставить их сотрудничать с обвинителем.

Каждый из этих факторов имеет огромное значение для эффективности международного правосудия. И напротив, если отсутствует политическая воля крупнейших держав, возможности международного правосудия очень ограничены, как это было продемонстрировано на примере Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР).

Принимая резолюцию 955, которая учреждает Международный уголовный трибунал по Руанде, Совет Безопасности поставил перед ним задачу добиться национального примирения. Резолюция дает Трибуналу полномочия для наказания основных преступников, виновных в геноциде, во время которого были убиты 800 тыс. тутси, а также лиц из Руандийской патриотической армии, виновных в совершении военных преступлений и преступлений против человечности во время ответных карательных операций. Правосудие рассматривалось в качестве необходимого предварительного условия для примирения между руандийцами.

Но что же произошло на самом деле? Руандийское правительство сначала сотрудничало с МУТР – чтобы доказать реальность геноцида тем, кто все еще в этом сомневался, учитывая попытки отрицать данный факт. Когда эта цель была достигнута и некоторые ключевые фигуры режима почувствовали опасность того, что им будут предъявлены обвинения в преступлениях, которые они, как утверждалось, совершили, правительство начало проводить политику активной обструкции. Эта политика осуществлялась очень успешно. За десять лет существования МУТР он не вынес ни одного обвинения в преступлениях, совершенных в качестве отместки за геноцид. Когда Обвинитель МУТР Карла дель Понте публично заявила о своем намерении вынести обвинительные акты в отношении лиц, близких к режиму, правительство Кигали стало добиваться ее отставки и в конечном итоге добилось этого, хотя и были соблюдены дипломатические условности ее ухода.

Правительство Руанды смогло так успешно чинить препятствия международному правосудию потому, что серьезные проблемы в функцио-

нировании МУТР омрачили первые несколько лет работы Трибунала и подорвали доверие к нему. Кроме того, хорошо известно, что в силу и политических, и геостратегических задач на Руанду никогда не оказывалось такого же давления с целью заставить ее сотрудничать с международным правосудием, какое оказывалось на Сербию¹⁷.

Как выясненная истина может способствовать достижению цели национального примирения в таких обстоятельствах, когда только некоторые из международных преступлений преследовались в судебном порядке? Элисон Дефорж, одна из ведущих экспертов по региону Великих Озер и эксперт МУТР, задается вопросом, помогло ли такое международное правосудие объединению населения или разъединило его еще больше¹⁸. Скептицизм здесь уместен, хотя к чести Трибунала можно сказать, что он безоговорочно установил факт геноцида тутси, а это не было столь очевидным 10 лет назад. Конечно, лучше было бы инвестировать 700 млн долларов США (именно в такую сумму обошелся к сегодняшнему дню МУТР) в восстановление системы правосудия и законности в Руанде, что могло бы предотвратить сползание правительства к авторитаризму.

Внутренние параметры. Эти параметры относятся к функционированию самого судебного механизма *per se*, то есть к соблюдению требований надлежащей правовой процедуры, обеспечению безопасности юристов и свидетелей, пенитенциарной стратегии обвинителя, сбору доказательств, вынесению приговоров и т.д.

Давайте подробнее остановимся на одном примере стратегии обвинителей во время или сразу после окончания конфликта. Это самый трудный период для международного правосудия, поскольку тут начинается конкуренция между двумя системами международных отношений – одна сосредоточивает внимание на правосудии, другая же отдает предпочтение установлению мира. Спорным остается вопрос о целесообразности уголовного преследования глав государств или ключевых фигур, которые подозреваются в совершении международных преступлений, но являются единственными лицами, которые могут подписать мирные соглашения. Какую следует применить норму? Здесь преобладает двойственность, в том числе и в МУС, Статут которого дает право Прокурору воздержаться от судебного преследования военных пре-

17 Например, Совет Безопасности не продлил мандат Трибунала, когда 200 тыс. хуту из числа беженцев были убиты в 1996–1997 гг. на территории, которая была раньше Восточным Заиром. Эта избирательность при судебном преследовании за совершение преступлений объясняется в основном нечистой совестью Запада: Вашингтону, Парижу или Лондону было трудно обвинять руандийские власти в международных преступлениях, когда в 1994 г. именно Руандийская патриотическая армия, состоящая в основном из тутси, положила конец геноциду, осуществлявшемуся при равнодушии Запада. Более того, правительство Руанды является ценным союзником Соединенных Штатов и Великобритании в этой части Африки.

18 Alison Desforges, *Leave None to Tell the Story: Genocide in Rwanda*, Human Rights Watch, 1999, p. 41.

ступников в «интересах жертв»¹⁹. В реальности на международном уровне принимаются противоречивые решения. Не соглашаясь с Мэри Робинсон, Верховным комиссаром ООН по правам человека, Лахдар Брахими, специальный представитель ООН в Афганистане, выступал против привлечения к суду министров, подозреваемых в совершении военных преступлений, которые были членами правительства, поддерживаемого Организацией Объединенных Наций. Брахими считал, что это повредит усилиям по восстановлению мира и стабильности²⁰.

Прокурор Специального суда по Сьерра-Леоне, с другой стороны, опубликовал обвинительный акт в отношении президента Либерии в тот самый день, когда президент направлялся на мирные переговоры; переговоры были торпедированы, но этот поступок изменил конфигурацию политического порядка²¹. Мы здесь видим две разные модели. Рассмотрение вопроса о трениях между целями достижения мира и установления справедливости потребует от нас рассуждений, которые выходят далеко за рамки данной статьи, но крайне важно уделить внимание воздействию правосудия переходного периода. Следует учитывать многие факторы, поскольку обвинитель работает не в вакууме, но в очень конкретной обстановке, определяемой внутренним соотношением сил конфликтующих сторон, способностью международного сообщества оказывать давление, потерей политической легитимности в силу возможного обвинительного акта и необходимостью соблюдать временную последовательность переговоров и правосудия.

Воздействие «показательных процессов»

Повторяя слова Марка Озиля, основные суды можно назвать «назидательными монументами»²². Их цель заключается в том, чтобы подробно рассказать обществу о зверствах, напомнить ему об основополагающих нормах и познакомить его с новым национальным и международным порядком. Вердикт, некоторым образом, имеет второстепенное значение:

19 Заметьте эволюцию настроения международного сообщества. Прокурор Ричард Голдстоун заявил в соответствии с Уставом МТБЮ 1993 г., что «мир без правосудия стоит не больше использованных чернил и бумаги, на которой он подписан, если под ним не стоят подписи военных преступников», потому что он будет иллюзорным. И напротив, посредники в бывшей Югославии считали, что стремление к справедливому миру приведет к продолжению войны и гибели и страданиям всего населения. Статут МУС дает Прокурору больше, чем Устав МТБЮ, возможностей поступать по своему усмотрению.

20 John F. Burns, «Political realities impeding full inquiry into Afghan atrocity», *New York Times*, 29 August 2002.

21 Надо сказать, что, хотя мирные переговоры закончились, так и не начавшись, президент Либерии утратил легитимность в результате обвинительного акта, что сразу же сделало его военным преступником. Таким образом, его позиция была ослаблена, он оставил свой пост, испытывая давление со стороны международного сообщества, и попросил убежища в Нигерии... которая затем отказалась выдать его судьям.

22 Mark Osiel, *Mass Atrocity, Collective Memory and the Law*, Transactions Publishers, New Brunswick, 1999, p. 4.

учитывая тяжесть совершенных преступлений, никакое наказание не будет достаточным. Поэтому основные процессы будут иметь ценность, только если они эффективны с воспитательной точки зрения. Это их единственное достоинство. Критиковать международные трибуналы за то, что они являются демонстрацией правосудия, было бы неправильно, поскольку цель этого правосудия именно в том и заключается, чтобы показать, что оно имеет место. Правосудие должно свершиться, и все должны знать, что оно вершится. Таким образом, вопрос заключается в том, чтобы проанализировать характер этой демонстрации и оценить ее эффективность.

Здесь снова следует сделать уточнения. Шоу показательного процесса проходит одновременно на нескольких сценах. Чтобы оценить его эффективность, требуется учитывать наличие различных аудиторий. Есть общества, которых все это касается самым непосредственным образом, – те, для которых в основном и предназначены представления в этом театре истины и наказания, которые теоретически являются целевыми группами, – это население таких стран, как бывшая Югославия, Руанда, Сьерра-Леоне, Судан, Уганда и т.д. Кроме того, есть международная общественность. Как сказал Прокурор МУС, и те, и другие являются клиентами международного правосудия, но их ожидания, реакции и восприятие абсолютно различны. Ни одна из этих групп не является однородной. Трудность, с которой сталкивается международное правосудие, в том и состоит, что надо занять позицию, приемлемую для всех заинтересованных сторон, а особенно для целевой группы: жертвы, силы полиции, армии, силы ополчения и т.д.

Можно очень многое почерпнуть из опыта МТБЮ. Что бы ни говорилось в его мандате, его роль – по крайней мере тогда, когда в бывшей Югославии происходили зверства, – заключалась в том, чтобы успокоить нечистую совесть общественного мнения Запада. Создатели МТБЮ возложили на него миссию, основанную на логике триангуляции, которая действует в соответствии с принципом бильярдного шара: игрок целится в первый шар с тем, чтобы нанести удар по тому, который и является его целью. В случае с МТБЮ полномочия предоставили Трибуналу для того, чтобы решать вопросы населения в бывшей Югославии, но настоящей целевой группой был Запад, во всяком случае, пока продолжалась война. Еще один взгляд на наши временные категории даст нам возможность лучше понять эффект этого различия между действительной и предполагаемой целевыми группами. Во время и сразу после военных действий, то есть вскоре после событий, Трибунал имел огромный успех в глазах общественности на Западе, по крайней мере до войны в Косово²³. МТБЮ начал борьбу с безнаказанностью и вы-

23 Восприятие МТБЮ западным общественным мнением было в значительной степени благоприятным, даже несмотря на то, что обвинительный акт в отношении Слободана Милошевича в разгар войны в Косово вызвал дебаты относительно того, насколько Трибунал может быть независимым, если принять во внимание политическую поддержку на Западе и его основных спонсоров. Существует множество причин этой поддержки.

звал рост числа международных судебных процессов, который впоследствии привел к созданию многочисленных трибуналов – МУТР, Специального суда по Сьерра-Леоне, МУС – и развитию универсальной юрисдикции, что выразилось в предъявлении испанскими и бельгийскими судьями уголовного обвинения бывшим диктаторам Аугусто Пиночету и Хиссену Хабре (Чад). Успех МТБЮ в значительной степени является институциональным и символическим, поскольку в то время практически не было судебных процессов над высокопоставленными государственными должностными лицами. В среднесрочном же плане, когда обвиняемым пришлось отвечать за свои деяния, средства массовой информации и западное общественное мнение оказались явно утомлены узкоспециальной терминологией дебатов и длительностью процессов (в среднем – 18 месяцев). Суд над Милошевичем, который, как надеялись западные правительства, должен был продемонстрировать ужасную сущность бывшего хозяина Балкан и оправдать вмешательство НАТО, оказался в этом плане совершенно неэффективным.

На балканской сцене сценарий был совершенно другим. Во время и сразу же после конфликта Трибунал рассматривался боснийцами как оправдание невмешательства и воспринимался в качестве западного инструмента подавляющим большинством сербов и хорватов. Многие выражали сомнения относительно его легитимности. Ответственность за это частично несли и международное сообщество, и МТБЮ. Запрещение занимать высокие должности в МТБЮ гражданам бывшей Югославии, тот факт, что Генеральная Ассамблея ООН отказалась вводить судей-мусульман или православных судей в первоначальный состав Трибунала, его местонахождение в Гааге, за сотни миль от происходящих событий, отсутствие серьезной информационной политики на территории бывшей Югославии и враждебность националистических сербских и хорватских СМИ по отношению к Трибуналу – все это лишь расширяло пропасть между ним и населением бывшей Югославии, для которого, в принципе, он и создавался. Сильное желание государств – членов НАТО расширить свое сотрудничество с МТБЮ в самый разгар войны в Косово лишь укрепило убежденность большинства сербов в том, что Трибунал является правовым подразделением Атлантического союза.

Таким образом, Трибуналу не удалось добиться широкой поддержки ни во время войны, ни сразу же по окончании ее разных периодов, ни даже в среднесрочном плане. Исключением можно считать Боснию²⁴.

24 В ходе опроса общественного мнения, проведенного в апреле 2002 г., только 20% опрошенных сербов высказали убежденность в том, что сотрудничество с МТБЮ является «правильным с моральной точки зрения», и только 10% считали, что МТБЮ – это «наилучший способ отправления правосудия», «Serbia: Reform Constituency Shrinks», results of the nationwide survey conducted by Greenberg Quilian Rosner Research, NDI, June 2002, p. 2.

Арест в декабре 2005 г. хорватского генерала Готовина, которому предъявили обвинение в том, что он несет ответственность за гибель сербских гражданских лиц, в частности стариков, вызвал демонстрацию в Сплите, в которой участвовали 40 тыс. человек, превозносивших «героя» и «освободителя» и высмеивавших МТБЮ. В самой Сербии общественное мнение было крайне враждебным по отношению к МТБЮ и, возможно, создало ту обстановку, которая, в конечном счете, привела к убийству премьер-министра Зорана Джинджича в марте 2003 г. и к покушению на жизнь Обвинителя МТБЮ Карлы дель Понте.

Был еще один фактор, который усугубил враждебность многих сербов и хорватов по отношению к МТБЮ и который мы назовем давлением метанормы. Почему население бывшей Югославии должно подчиниться международному правосудию, когда американцы стараются освободиться от него? Эта политика двойных стандартов вместе с другими факторами подорвала репутацию Трибунала на Балканах. Как же могло быть иначе, если Соединенные Штаты угрожали республикам бывшей Югославии, особенно Сербии и Хорватии, экономическими репрессалиями в случае их отказа сотрудничать с МТБЮ, но также в случае ратификации ими Статута МУС?

Итак, мы рассмотрели восприятие Трибунала различными группами во время войны и затем в краткосрочный и среднесрочный периоды. Ключевым вопросом является вопрос о его долговременном воздействии. Насколько работа МТБЮ поможет через десять или двадцать лет проложить дорогу к консенсусу относительно преступлений, совершенных в этом регионе в 1990-е гг.? Если окажется, что МТБЮ воспрепятствовал отрицанию того факта, что массовые преступления были совершены, – а определенные признаки указывают на это, например, суды в Хорватии, Сербии и Боснии ведут процессы над своими военными преступниками, сербы признали резню в Сребренице, а власти Республики Сербской принесли свои извинения, – тогда станет очевидным, что работа международного правосудия принесла свои плоды.

Сдерживание

Одна из основных целей международного правосудия – предотвращение новых преступлений. Об этом, в частности, говорится в резолюциях 808 и 827 Совета Безопасности ООН, учреждающих МТБЮ. Этот аспект сдерживания является центральным в деятельности правозащитных НПО в их борьбе против безнаказанности. На странице организации «Хьюман Райтс Вотч» в Интернете говорится, например, что «правосудие в отношении вчерашних преступлений создает пра-

вовую основу, которая необходима для предотвращения завтрашних зверств»²⁵.

На первый взгляд эмпирический анализ делается быстро. Через два года после создания МТБЮ боснийско-сербские силы учинили самую крупномасштабную резню в Европе со времен Второй мировой войны в провозглашенной ООН «зоне безопасности» в Сребренице. Совет Безопасности ООН учредил МУТР в 1994 г. В 1996–1997 гг. силы Руандийской патриотической армии приняли участие в массовых преступлениях в Киву. На региональном уровне идея сдерживания потерпела еще больший крах: по данным различных организаций, более 3 млн человек (подавляющее большинство из которых – гражданские лица) погибли в Демократической Республике Конго между 1998 и 2003 г. в результате либо прямых, либо косвенных последствий войны. Трудно представить себе более сокрушительное фиаско.

Но являются ли возможности Трибунала действительно нулевыми? Истинный вопрос заключается в том, как враждующие стороны воспринимают опасность подвергнуться судебному преследованию. Судя по практическим наблюдениям, которые должны быть подтверждены более всесторонними исследованиями, воюющие осознают эту опасность и действуют соответствующим образом, если уголовное преследование осознается как личная угроза ближайшего будущего. По сведениям, поступающим от миротворческих сил ООН в бывшей Югославии, воюющие стороны учитывали опасность судебного преследования в течение первых нескольких недель после создания МТБЮ в 1993 г. Позже они осознали, что Трибунал слаб, и, уверенные в своей безнаказанности, учинили резню в Сребренице. В Дарфуре также, по свидетельствам очевидцев, члены ополчений сократили размах своих насильственных действий, когда почувствовали, что могут из-за них нажать себе неприятности. Эти два примера, кажется, демонстрируют, что воюющие стороны принимают во внимание возможность судебного преследования, если трибунал воспринимается как учрежденный крупными державами и получающий их политическую и военную поддержку. Но они также показывают, что без незамедлительных обвинительных актов и арестов эффект сдерживания вскоре уменьшается.

Кроме этих параметров, которые играют роль в том, как воюющие понимают риск, связанный с нарушением закона, существует влияние метанормы, то есть шкалы ценностей международного сообщества в данный конкретный момент. Война с терроризмом, которая характеризуется, в частности, тем, что супердержава США ставит под вопрос некоторые области международного гуманитарного права, оспаривает запрет на пытки и их определение, а также резкой враждебностью

25 См. <http://www.hrw.org/justice/about.php> (последнее посещение сайта в январе 2006 г.).

администрации Буша по отношению к МУС, несомненно, изменяет восприятие риска, связанного с нарушением закона. Здесь тоже нужны дополнительные исследования, чтобы подтвердить эту гипотезу.

Показатели для комиссий по установлению истины

Установление «истины»

Сторонники правосудия переходного периода считают, что обнародование истины приведет к процессу национального очищения, который направит энергию по направлению к национальному примирению. Одним из основных вопросов является характер «истины», которая выйдет наружу.

Сам термин «истина» вызвал многочисленные споры. Давайте примем подход заместителя председателя Южноафриканской комиссии по установлению истины и примирению Алекса Борейна, который проводит различие между тремя уровнями истины – фактическая истина, личная истина и социальная, или диалогическая, истина, – хотя все они направлены на то, чтобы «зафиксировать документально и проанализировать как действительно имевшие место нарушения прав человека, так и структуры, которые разрешили их совершение или способствовали ему»²⁶. Фактическая истина – это предоставляемая семьям конкретная информация об останках умершего родственника. Личная истина теоретически дает возможность лицу, который обнародует эту истину, ощутить чувство очищения²⁷. И наконец, по словам южноафриканского судьи Олби Закса, «диалогическая истина» – это истина, которую принимает общество: «Диалогическая истина является социальной, истиной пережитого опыта, которая устанавливается в процессе взаимодействия, обсуждения и споров»²⁸. Здесь нас интересуют фактическая и диалогическая истины (см. показатель 7 для личной истины). Каковы условия для появления этих двух уровней истины? Выясняется, что и фактическая истина, и диалогическая истина определяются конкретными параметрами.

Возможность установить фактическую истину в значительной степени зависит от желания сотрудничать бывших органов подавления: министерства внутренних дел, армии, полиции, службы разведки, ополчений и т.д. Но, кроме того, она зависит от целого ряда учреждений, больниц, моргов и кладбищ, регистрационные журналы которых часто оказываются крайне ценными.

26 Alex Boraine, *A Country Unmasked: Inside South Africa's Truth and Reconciliation Commission*, Oxford and New York, Oxford University Press, 2000, p. 287.

27 *Ibid.*, p. 290.

28 *Ibid.*

В процессе, направленном на установление фактической истины, в самом выигрышном положении находится государство. Оно может принять решение наделить комиссию правом вызова в суд, что даст ей возможность получать документы и добиваться того, чтобы свидетели, в том числе и лица, совершившие преступления, являлись в суд. Так было в Южной Африке. Кроме того, решение этого государства заставить сотни лиц, участвовавших в репрессиях, явиться в суд помогло раскрыть *modus operandi* такой политической преступности. Другими словами, чем полнее полномочия комиссии, тем больше у нее возможностей установить фактическую истину и, следовательно, личную и диалогическую истину.

Цель установления диалогической истины заключается в том, чтобы прояснить, кто несет политическую ответственность за совершенные преступления. Это является историческим политическим действием для правительства, действием, имеющим легитимирующий потенциал, но и чреватым опасностью выйти из-под контроля, поскольку новый консенсус относительно прошлого возникнет в результате дебатов в обществе и существующий политический баланс сил претерпит изменения. Этим объясняется напряженность переговоров между старой и новой элитами при подготовке ситуации, в которой должна быть установлена диалогическая истина. Такие факторы, как определение мандата комиссии и полномочий жертв²⁹, определение того, предстанут ли лица, совершившие преступления, перед судом, возможность уголовного преследования некоторых высокопоставленных должностных лиц, публичные представления комиссии (показатель 5), рекомендации, предлагаемые в докладе (показатель 6), и то, как они выполняются, могут оказаться крайне важными.

Каждый из этих факторов будет играть свою роль при оценке воздействия деятельности комиссии. Другой важный аспект – способность общества заметить деятельность комиссии и почувствовать нужность ее работы и принять ее. Влиятельность жертв, позиция политических партий, церкви, профсоюзов и бывших враждующих сторон, соотношение сил между различными структурами и конкретный характер переходного периода – все это обуславливает степень достоверности диалогической истины. Важная роль здесь принадлежит НПО. В Южной Африке, где они имеют влияние, НПО оказывали всяческую поддержку Комиссии по установлению истины и примирению, хотя и критиковали

29 Мандат Чилийской комиссии, например, заключался в том, чтобы установить истину о смерти тысяч человек, но не принимать во внимание пытки, которым подвергались тысячи бывших политических заключенных. Некоторая часть населения считала себя исключенной из этой деятельности по установлению истины, поскольку комиссия не признавала, что они также являются жертвами диктатуры.

ее деятельность. В Сьерра-Леоне, где НПО слабы, но имеют прочные связи с западным миром, они убеждали международное сообщество в необходимости создать, а затем и поддержать комиссию по установлению истины, но в своей собственной стране они не сумели заручиться поддержкой, и это было очевидным³⁰.

Давайте рассмотрим два очень разных примера – Чили и Сальвадор, – которые проливают свет на способность общества полностью принять работу комиссии для того, чтобы изменить политическую расстановку сил или, что тоже может быть, не принять ее.

Установленная истина частично обусловлена соотношением сил между старым и новым правительствами. В Чили, например, состав комиссии отражал соотношение между бывшими сторонниками Пиночета и демократами. В результате в оценке прошлого нашла отражение «теория двух демонов», практически уравнивая репрессии, осуществляемые представителями государства, и насильственные действия, совершенные левыми экстремистскими группами (ограниченные в силу их ограниченных возможностей), в то время как подавляющее большинство преступлений было совершено военной хунтой. Это единогласное, но сомнительное с исторической точки зрения толкование все же дискредитировало точку зрения Пиночета, чему способствовали ассоциации жертв режима, профсоюзы, НПО и некоторые политические партии. Таким образом, несмотря на определенные ограничения, работа комиссии все-таки изменила соотношение сил в чилийском обществе и в среднесрочном плане способствовала установлению диалогической истины, которая соответствовала исторической истине. В результате были возобновлены судебные процессы, однако из-за позиции сторонников хунты смысл существования комиссии, напротив, свелся к тому, чтобы стать субститутом этих процессов.

Хотя комиссия Сальвадора (состоящая исключительно из иностранцев) имела большую свободу действий в своей работе по установлению и толкованию фактов, чем чилийская комиссия, диалогическая истина была в значительной степени ограничена бывшими воюющими сторонами. Их представители, абсолютно проигнорировав рекомендации комиссии подвергнуть судебному преследованию около 50 государственных чиновников и партизанских лидеров, пришли к соглашению о том, что парламент объявит общую амнистию.

Презентация «истины»

Единственной ценностью комиссий по установлению истины, как и процессов в международных судах, является их воздействие на общество

30 Rosalind Shaw, *Rethinking Truth and Reconciliation Commissions: Lessons from Sierra Leone*, USIP Special Report № 130, 2005.

во. Именно их стремление преподать урок в деле осуществления политики прощения становится попыткой примирить расколотое общество.

Ключевым здесь является вопрос о том, как власти и комиссия должны довести до сознания общества свое резкое осуждение прошлого: как следует обставить эту презентацию человеческой жестокости? Надо ли принять минималистский подход? Или, напротив, должны состояться публичные слушания с соблюдением освященной веками процедуры судебного разбирательства? А если так, надо ли преступников также вызывать в суд? Должны ли эти публичные слушания транслироваться по телевидению?

Выбор часто диктуется характером того послания, которое надо передать, и соотношением сил между правозащитниками и теми, кто олицетворяет репрессии прошлого. Чем сильнее желание порвать с прошлым, тем сильнее соблазн использовать какую-либо форму символического выражения этого послания. Примеры Южной Африки и Марокко демонстрируют разные его формы. В Южной Африке преследовалась двоякая цель: продемонстрировать преступный характер бывшего режима (и правонарушений со стороны Африканского национального конгресса), но легитимировать соглашение, достигнутое между Ф. Де Клерком и Нельсоном Манделой, – истина в обмен на амнистию. В Марокко целью комиссии было получение большего пространства для демократии при сохранении существующего режима. В любом случае члены комиссии активно действуют в области эволюции самоидентификации, так как они способствуют созданию новых национальных ритуалов.

Форма презентации фактически отражает обусловивший ее политический замысел, проводником которого является комиссия. Публичные слушания в Южной Африке начинались с молитвы – тем самым очень четко давалось понять, что деятельность по установлению истины и через нее сделка «истина – амнистия» получили благословение самых высоких религиозных властей. Драматическая напряженность конфронтации между жертвами и палачами отражала ожидания общества: позор и осуждение преступников, но и отказ от правосудия во имя высших интересов новой нации.

Обращение председателя комиссии архиепископа Десмонда Туту к религиозным и культурным символам и его прославление «превосходства» африканского восстановительного правосудия над западным уголовным правосудием должны были легитимировать новое политическое соотношение сил. Они, кроме того, трансформировали амнистию в прощение.

В Марокко в 2005 г. жертвы давали показания в комиссии по установлению истины перед портретами правящего короля Мохаммеда VI и его

покойного отца и предшественника короля Хасана II, во время правления которого их пытали в органах безопасности. В отличие от Южной Африки палачи, похитители людей и в некоторых случаях убийцы не представляли перед комиссией. Королевский двор хотел и заклеить репрессии тех черных лет, и продолжить процесс демократизации – сохраняя монархию и продолжая деятельность репрессивных органов.

Эти обе комиссии абсолютно соответствовали поставленным перед ними задачам. Они не были комиссиями по оправданию, хотя они, несомненно, сыграли свою роль в легитимации нового правительства. Комиссии по установлению истины должны оцениваться в свете их конкретных задач.

Рекомендации относительно институциональных реформ и их осуществления

Одним из способов воздействия комиссий по установлению истины являются рекомендации, опубликованные в их докладах, так как эти рекомендации основываются на уроках, извлеченных из преступлений прошлого, и описывают реформы, необходимые для построения государства, которое будет управляться в соответствии с принципом верховенства закона.

Эрик Брам называет около 20 комиссий по установлению истины и указывает, что три из них провели публичные слушания и опубликовали доклады, восемь других издали открытые доклады (не проводя никаких публичных слушаний), еще три распространили свои доклады в узком кругу, а пять (Боливия, Зимбабве, Уганда 1986 г., Филиппины и Эквадор) вообще не представили никаких докладов³¹. В Аргентине отчеты комиссии были в течение многих месяцев бестселлером. Опубликование и распространение доклада является ключевым фактором: это дает соответствующему обществу возможность почувствовать, что оно может играть роль в своей собственной судьбе. Насильственные действия прошлого описаны, лица, ответственные за них, названы и курс на консолидацию принципа верховенства права установлен. Теперь само общество должно оказывать давление на государственную машину с тем, чтобы добиться принятия предложенных реформ, цель которых, как правило, заключается в том, чтобы внести изменения в действия полиции и армии, на самом деле запретив пытки и гарантируя справедливые судебные процессы. Одним из самых положительных стал опыт Чили, где рекомендации, содержащиеся в докладе, были в значительной степени проведены в жизнь. Среди прочего, доклад предлагал выплатить

31 Более подробно см., в частности, Eric Brahm, см. выше примечание 9, p. 35.

репарации жертвам и принять результаты работы комиссии как основу для определения их прав на компенсационные выплаты, что и было сделано. Различные рекомендации касались укрепления законности и были направлены на то, чтобы успокоить все еще бурлившее общество. Марокканская комиссия заявила в своем докладе, что около 10 тыс. бывших политических заключенных получают репарации, и рекомендовала серьезные институциональные и политические реформы с тем, чтобы гарантировать отправление правосудия, укрепление парламентского контроля над государственными органами и ограничение власти исполнительных органов.

К сожалению, насколько нам известно, пока еще не был проведен анализ того, как власти выполняют рекомендации, изложенные в докладах комиссий по установлению истины. Нейл Критц из Института мира в Вашингтоне предложил, чтобы издавали периодические отчеты о выполнении рекомендаций и, если необходимо, объясняли, почему они считают их нецелесообразными.

Представляется, однако, что большинство рекомендаций не было выполнено; не проводилось и серьезного обсуждения этих рекомендаций. Вопрос состоит в том, до какой степени эти рекомендации способствуют демократическому развитию общества, даже если они не были превращены в жизнь. Другими словами, можно ли сказать, что тот положительный факт, что эти рекомендации, касающиеся институциональных реформ, были предложены, открывает новые горизонты для общественных дебатов, которые будут проводиться на демократических основах и приведут к реформам в будущем?

Показатели, общие для международного правосудия
и комиссий по установлению истины

Терапевтический эффект

Правосудие переходного периода уделяет особое внимание жертвам. Цель состоит в том, чтобы посредством их исцеления и возмещения им причиненного ущерба общество и само исцелилось от шрамов прошлого и объединилось после установления истины и вынесения приговора о символическом или уголовном наказании. Но действительно ли «признание», «правосудие» и «установление истины» имеют терапевтический эффект для жертв, как об этом заявляют многие сторонники правосудия переходного периода?³²

32 Подробное исследование см. в работе Jamie O'Connell, «Gambling with the Psyche: Does prosecuting human rights violators console their victims?», *Harvard International Law Journal*, Vol. 46, № 2, 2005, pp. 295–345.

Начнем с того, что многие психологи считают отсутствие уголовного преследования палачей продолжением пытки: «Безнаказанность порождает чувство незащитности и брошенности на произвол судьбы, что сопровождается ночными кошмарами, депрессией, бессонницей и соматизацией»³³.

С другой стороны, борьба с безнаказанностью является средством удовлетворения потребности некоторых жертв узнать фактическую и личную истину. Знание обстоятельств, при которых погиб близкий родственник, информация о том, где этот человек похоронен и кто несет ответственность за его страдания, способствуют завершению оплакивания. Личная истина связана, в частности, с прояснением прошлого, но также с потребностью многих свидетелей выразить свои страдания и таким образом почувствовать, что они признаны государством. Такие свидетели считали, что им необходимо дать свои показания открыто, в ходе судебного или внесудебного разбирательства. Здесь мы будем говорить только об этих жертвах-свидетелях. Некоторые из них говорили нам, что, если виновные не будут наказаны, они будут считать своим долгом внушить своим потомкам, что те обязаны отомстить за погибших³⁴.

Независимо от того, по каким причинам жертвы дают показания (чувство морального долга по отношению к погибшим, идеологическая убежденность или психологическая потребность), они надеются, что их свидетельства помогут им восстановить свое достоинство и освободят в какой-то степени от травматического прошлого. Но эти свидетельства таят в себе опасность и могут повлиять на терапевтический потенциал дачи показаний, потому что жертвам приходится вспоминать крайне тяжелые события. Психологическое воздействие может быть разным в зависимости от того, где дает показания жертва – в суде или там, где работает комиссия по установлению истины. Поэтому следует проводить различие между этими двумя обстоятельствами.

Чем грозит судебное разбирательство

Физическая опасность, связанная с дачей показаний. В процессах по Руанде и бывшей Югославии, как и в ходе других судебных процессов, трибуналы гарантировали, что жертвы-свидетели останутся анонимными. К сожалению, имена некоторых из этих свидетелей стали известны, в частности в Руанде, и в результате их жизнь и жизнь их родственников оказалась в опасности, и в некоторых случаях это заставило их бежать из страны. Такая угроза, конечно, влияет на терапевтическое воздейст-

33 Diana Kordon et al., «Argentina: Psychological and clinical consequences of political repression and impunity», *Q. J. Rehab of Torture and Prevention of Torture*, Vol. 8, 1998, pp. 43–44.

34 Pierre Hazan, *Justice in a Time of War. The Secret History of the International Tribunal for Former Yugoslavia*, Texas A & M, 2004, p. 160.

вие процесса, поскольку выводит свидетеля из равновесия и заставляет вспомнить былые страдания.

Опасность повторной травмы. В случае двух специальных трибуналов ООН жертвы имеют только статус свидетелей, так как процесс основывается на общем праве³⁵. Они находятся там не для того, чтобы рассказывать о своем трагическом опыте, но для того, чтобы помочь подтвердить обвинительное заключение прокурора. Затем их подвергают процедуре перекрестного допроса, который ведется иногда крайне агрессивными адвокатами. В соответствии с практикой, принятой в США, эти юристы стараются дезориентировать свидетелей для того, чтобы ослабить аргументы прокурора. Карла дель Понте, которая тогда была Обвинителем, выразила сожаление по поводу того факта, что перекрестные допросы становятся «орудием пытки» в условиях Трибунала в Аруше³⁶. Это преувеличение, но оно подчеркивает порочный характер перекрестных допросов, если их проводят юристы, преследующие цель вывести из равновесия очень уязвимых свидетелей, например, женщин, которые подверглись неоднократным изнасилованиям. Извлекая уроки из подобных случаев, МУС создал специальные процедуры, чтобы не допустить повторной травмы жертв. Еще один момент, который следует рассмотреть, – это вердикт: очень часто жертвы разочарованы приговором, находя его слишком мягким, и это производит на них очень плохое впечатление. Но правосудие не является терапевтическим процессом, даже если иногда оно имеет благоприятные последствия.

Неравенство между Севером и Югом. Международное правосудие является продуктом богатых стран. Оно в соответствии с критериями, принятыми в состоятельных обществах, предоставляет обвиняемым элементарные права, права, которые не всегда есть у жертв в бедных странах. Руанда представляет собой наиболее экстремальный случай, где существует шокирующая разница в положении оставшихся в живых жертв геноцида и тех, кто его совершал, кто заразил их СПИДом, но кто только и может получить лечение, потому что на других в Руанде не хватает государственных средств. Это чудовищное неравенство при получении медицинской помощи между палачами и жертвами способно отрывительно сказаться на терапевтическом аспекте дачи показаний.

Мы уже подчеркивали, что терапевтическое воздействие процесса дачи показаний никогда нельзя считать само собой разумеющимся и что необходимо принимать во внимание условия, в которых даются свидетельские показания.

35 Международный уголовный суд извлек уроки из этих дисфункциональных проблем МТБЮ и МУТР и практически предоставил жертвам-свидетелям статус истца.

36 См. документальный телевизионный фильм *Rwanda: la justice prise en otage*, ARTE/TSR/Article Z, produced by Gonzalo Arijon and Pierre Hazan, 2003.

Чем грозят слушания в комиссиях по установлению истины

Динамика работы комиссий по установлению истины отличается от динамики судебного производства. Тот факт, что преступники не наказаны, вызывает самые разные реакции жертв – от чувства ужасной несправедливости до прощения и обретения хотя бы какого-то спокойствия. В целом, опасность, подстерегающая жертвы в ходе работы комиссии по установлению истины, представляется меньшей в психологическом отношении, нежели при судебных разбирательствах. Им не приходится встречаться со своими истязателями (за исключением Южной Африки). И они не оказываются в положении шарика для игры в пинг-понг между обвинением и защитой. Они даже представляют собой субъект права – ведущая роль на данной стадии. На первый взгляд все эти факторы подтверждают идею о том, что такое восстановительное правосудие является благоприятным для жертв, особенно тех, которые дают свидетельские показания.

Однако, по оценкам Центра для жертв насилия и пыток в Кейптауне (Южная Африка), от 50 до 60% тех сотен людей, с которыми он работал, испытали серьезные психологические проблемы после дачи показаний или выразили сожаление о том, что приняли участие в слушаниях в Комиссии³⁷. Целый ряд из них получили повторную травму такой степени, что Труди де Риддер, одна из психологов, которая работала с жертвами, давшими показания в Комиссии, задается вопросом – оправдываются ли страдания, причиненные жертвам в результате слушаний в Комиссии по установлению истины, политическими преимуществами, полученными обществом в целом?³⁸ Более того, как отмечает Розалинда Шоу, Комиссия по установлению истины и примирению может разрушить механизмы традиционного правосудия, как это случилось в Сьерра-Леоне³⁹.

Мы не собираемся здесь утверждать, что жертвы систематически подвергаются дурному обращению, но хотим подчеркнуть тот факт, что дача свидетельских показаний необязательно имеет терапевтический эффект для жертв. Некоторые из них действительно получают удовлетворение от того, что публично рассказывают ту правду, которую они знают. Иногда они узнают ценные подробности относительно обстоятельств смерти их родственников и месте, где находятся останки, что способствует завершению траурного процесса. Возможно, что удовлетворение приносит и тот факт, что общество наказывает их мучителей, либо налагая уго-

37 Hayner, см. выше примечание 3, p. 144.

38 Trudy de Ridder, *The Trauma of Testifying: Deponents' Difficult Healing Process*, Track Two, Vol. 6, Nos. 3 & 4, December 1997 http://ccrweb.ccr.uct.ac.za/archive/two/6_34/p30_deridder.html (последнее посещение сайта в октябре 2004 г.).

39 Shaw, см. выше примечание 30.

ловную санкцию, либо, по крайней мере, символически. Некоторым успокоение дало раскаяние, выраженное их палачами или убийцами их родственников. Однако для других жертв публичный рассказ о своих страданиях (о которых их родственники часто ничего не знали) и сам факт воспоминаний о прошлом приносят мало облегчения. Напротив, это вызывает серьезные психологические проблемы. Трибуналы и комиссии по установлению истины имплицитно признают эту реальность, поскольку те из них, которые располагают соответствующими средствами, обеспечивают психологическую поддержку жертвам с тем, чтобы у них не было нервного срыва во время дачи показаний.

Эффективность публичных извинений

Правосудие переходного периода придает особое значение извинениям. Причина этого проста: если судопроизводство исключено или те, кто находится у власти, не понесли ответственности за совершенные ими преступления, цель публичного выражения сожаления заключается в том, чтобы государство признало свою ответственность и, таким образом, предотвратило повторение подобной преступной практики.

Наиболее знаменательным событием в этом отношении был поступок канцлера Германии Вилли Брандта, который 9 декабря 1970 г. встал в скорбном молчании на колени у памятника варшавскому гетто, положив таким образом начало эре публичных покаяний. Новизна и сила этого поступка со стороны ветерана-антифашиста послужили определенным толчком: этим жестом покаяния он принял на себя ответственность за преступления, совершенные другими, для того чтобы попросить за них прощения. Сделав это, он принял участие в процессе восстановления нормальных отношений между жертвами фашизма и Германией и содействовал символическому возвращению Германии в сообщество цивилизованных государств. Это все тот же триангуляционный процесс, в котором выражение сожаления изменяет отношения между лицом, выражающим его, жертвами и общественностью, в данном случае международным сообществом. Такой акт смирения принес и символическую выгоду лицу, принесшему извинения: его жертвенная позиция (поскольку он сожалел о деяниях, которых сам не совершал) повысила его престиж в нравственном отношении.

После этого прецедента и благодаря той морализаторской идеологии, которая воцарилась по окончании «холодной войны», за последние несколько лет случаи выражения сожаления стали множиться. Их было столько, что потерял счет числу глав государств и высокопоставленных должностных лиц, которые принесли извинения, сокрушаясь о преступлениях, совершенных в недавнем прошлом или столетия назад.

В настоящее время НПО настаивают на таких извинениях, они считают, что раскаяние помогает укрепить законность и способствует росту доверия граждан к государству, проводя четкую границу между «мрачными годами» и настоящим временем⁴⁰. Однако эффективность подобных извинений довольно относительна. Извинение может служить цели очищения при условии, что оно воспринимается соответствующим обществом не как формальный, пустой жест, лишенный какого-либо содержания и смысла. Это основной критерий различия между искренним выражением сожаления и таким раскаянием, которое воспринимается обществом как имеющее чисто символическое и политическое значение. Извинение, которое принес президент Ширак, признав впервые ответственность Франции за облавы на евреев во время Второй мировой войны, имело реальное воздействие. И наоборот, поступок президента Билла Клинтона, извинившегося за рабство и работорговлю за пределами Соединенных Штатов Америки, более того, в африканской стране, которой эти явления непосредственно не касались, оказался абсолютно неэффективным. Афроамериканцы и африканские страны, которых действительно затронула практика трансатлантической работорговли, сочли это извинение неубедительным и едва обратили на него внимание. Неправильно выбранное место (Уганда) и отсутствие точности в адресате лишило поступок действенности. Выражение сожаления, с другой стороны, как будто бы адресованное определенным жертвам, фактически, в соответствии с принципом бильярдного шара, имеет совершенно другую целевую группу. Извинение, принесенное в 1999 г. Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, признавшим свою вину в том, что народам бывшей Югославии и Руанды не была предоставлена защита, является примером именно такого раскаяния. Истинная цель таких выражений сожаления – не столько убедить жертвы в искренности извинения, сколько «оправдать» миротворческие операции ООН в глазах международного сообщества и восстановить их в правах. Эта цель была достигнута, если говорить о действительной целевой группе (международное сообщество), но не о целевой группе, для которой теоретически предназначалось извинение (жители бывшей Югославии и Руанды).

Акты покаяния осуществляются в соответствии с различными моделями. Крайне важно определить, как действует это искусство драмы. Каковы самые подходящие условия? Каковы истинные целевые группы? Следует ли опираться на логику триангуляции, чтобы донести до них смысл поступков? Пример Вилли Брандта демонстрирует, что акты покаяния могут сыграть свою роль только в том обществе, где восстановлен мир.

40 Можно процитировать американскую организацию «Хьюман Райтс Уотч», которая попросила марокканские власти «признать, что тяжкие нарушения прав человека в период, который рассматривает ERC (комиссия по установлению истины), были систематическими и приказы отдавались на высшем уровне государственной власти, и официально извиниться перед жертвами и их семьями». «Morocco's truth commission: Honoring past victims during an uncertain present» <http://hrw.org/reports/2005/morocco1105/> (последнее посещение сайта в январе 2006 г.).

Эффективность репараций

Предполагалось, что установление истины и резкое осуждение преступников станут способом возмещения ущерба, причиненного жертвам. Но за последние несколько лет при проведении политики прощения и наказания, о которой говорилось выше, особое внимание стало уделяться выплатам материальной компенсации жертвам, которые часто живут в условиях крайней нищеты. В отличие от специальных трибуналов МУС учредил добровольный фонд для выплаты репараций жертвам.

Проблема денежных средств имеет большое моральное значение. Прежде всего возникает вопрос относительно характера репараций, поскольку сам по себе термин крайне неоднозначен⁴¹. За что именно должна осуществляться компенсация? За потерю родственника? За страдания? За потерю дохода в результате незаконного содержания под стражей? За утрату материальных ценностей? Репарации несут определенную смысловую нагрузку: признание совершенного преступления. Существуют их политическое и социальное измерения как на коллективном, так и на персональном уровнях.

В случае с Германией времен Аденауэра репарации были ценой возвращения страны к нормальной жизни. Соединенные Штаты в качестве *sine qua non* условия членства Западной Германии в ООН и НАТО выдвинули выплату репараций еврейскому государству и оставшимся в живых узникам лагерей. Выплата репараций Израилю стала для Западной Германии пропуском в международное сообщество.

Наряду с политическим аспектом существует и социальный, который касается в основном жертв. Некоторые жертвы уверены, что такие деньги не могут исправить то, что исправить нельзя, и их нельзя принимать, поскольку на них кровь погибших. Другие, напротив, считают, что страдания прошлых лет должны быть как-то компенсированы, даже если нельзя вернуть потерянные годы. Таким образом, для многих южноафриканцев работа комиссии по установлению истины была основана на сделке: преступники получили амнистию, а жертвы взамен – репарации⁴². Кроме того, это была рекомендация Комиссии по установлению истины, но репарации, выплачиваемые властями, оказались скудными и

41 Понятие репарации довольно туманно: оно обозначает сложную реальность, когда несколько действий часто накладываются друг на друга или сливаются: реституция, возмещение ущерба, компенсация и репарация. Важно прояснить характер выплат, чтобы предотвратить любое их использование в демагогических целях и дать возможность общественному мнению судить об условиях этой нравственно-финансовой операции, владея всей информацией.

42 Из 7112 преступников, которые обратились с прошением об амнистии, 849 получили ее. Другие тоже не были сильно наказаны.

запоздалыми⁴³. Многие бывшие жертвы апартеида чувствовали себя обманутыми и начали возмущаться действиями комиссии и отвергать саму идею примирения⁴⁴.

Кроме индивидуальных позиций жертв существуют разногласия и в обществе в целом. Потому что репарации являются плодом переговоров, указывающих на то, что стандарты меняются и в обществе складывается новое соотношение сил.

Ключевым вопросом здесь является характер этой этико-политической сделки. Насколько приемлемы условия? И вопрос этот касается не только жертв и правительств, но всех, живущих в соответствующих обществах.

На примере Швейцарии становится ясно, что вопрос о приемлемости этой сделки касается не только общества, чьи члены получают репарации, – она оценивается и в обществе, которое предоставляет репарации. Во время референдума в Швейцарии, например, большинство населения проголосовало против плана правительства продать часть золотого запаса Швейцарского национального банка для того, чтобы создать гуманитарный фонд, из которого бы *inter alia* выплачивались репарации за политику, проводимую во время Второй мировой войны, когда евреям отказывали во въезде в страну на швейцарской границе. Плебисцит обнажил общую истину: репарации это не только двусторонние отношения между стороной, предоставляющей их, и получающей стороной, но в силу своего знакового характера они повышают активность целых обществ, вовлекая их в решение вопроса. В Израиле, например, напряженность в части общества, явившаяся следствием решения правительства Бен Гуриона заключить соглашение по немецким репарациям, привела к бурным демонстрациям. Настолько бурным, что службам безопасности пришлось назначить телохранителя для премьер-министра, поскольку они впервые за свою историю начали опасаться покушения на его жизнь со стороны израильтян.

В Индонезии был разработан правительственный проект для выплаты компенсации жертвам при условии, что они простят преступников. От этой сделки впоследствии отказались, она ставила жертв в ужасное положение с моральной точки зрения – они чувствовали себя так, будто продают свою совесть. В Аргентине репарации были предоставлены жертвам в то же самое время, когда были приняты так называемые Зако-

43 Правительство начало выплачивать компенсацию жертвам только в декабре 2003 г., более чем через пять лет после того, как Комиссия представила свои выводы. Сумма в 660 млн рандов (100 млн долларов США) была выделена для одноразовых выплат в 30 тыс. рандов 22 тыс. жертв – существенно меньше, чем сумма в 3 млрд рандов, рекомендованная Комиссией по установлению истины и примирению.

44 Связь между двумя такими неоднозначными терминами, как «репарация» и «примирение», сама по себе очень проблематична, как это видно на примере разного к ней отношения матерей Плаза-де-Майо в Буэнос-Айресе: некоторые «хотят, чтобы их ненависть не умирала», считая, что это символ памяти об их погибших детях; другие более склонны к тому, чтобы принять репарации либо, например, в силу других этических установок, либо из-за материальной необходимости.

ны *Putno Final* (Конечной точки) (об амнистии). В обоих случаях *quid pro quo* для репараций должно было стать освобождение палачей.

В конечном счете, приемлемость условий этой этико-финансовой сделки зависела от того выбора, который должны были сделать общество и жертвы. В зависимости от того, как они истолковываются, выплаты репараций будут либо усиливать напряженность в обществе в период социальной нормализации, либо, напротив, способствовать этой нормализации.

Процесс изложения общей хроники событий

Сторонники правосудия переходного периода подчеркивают необходимость изложить и записать общую хронику событий, которая преодолет интровертированное, связанное с личными ощущениями восприятие. В этом деле огромную роль играют открытие архивов, создание памятников и музеев, работа историков, переписывание школьных учебников, работы художников и т.д.

В своей книге «*Purifier et détruire*» («Очищать и разрушать») Жак Семелен вводит понятие «призрачная рациональность», чтобы объяснить процесс разобщения и децивилизованности человеческих групп, который создает условия, приводящие к резне и актам геноцида⁴⁵. В то же время логика восстановления общества направлена на возвращение к ритуализации, гуманизации и цивилизованности отношений с другими посредством целого ряда механизмов. Этот процесс совершенствования норм может быть только многомерным (институциональным, политическим, символическим, художественным) и непрерывным. В нем находит отражение и аспект культуры. В Мозамбике не было сооружено практически никаких памятников после гражданской войны, которая закончилась в 1992 г., потому что традиционные механизмы социальной реинтеграции основывались на ритуале, а не на вербализации.

Память – это по определению непрерывный процесс. Он играет свою роль в правосудии переходного периода, но в то же время отражает то, что механизмам этого правосудия уже удалось достичь. Как таковой, он является и показателем сам по себе, и процессом, предоставляющим с течением времени информацию об эффективности всех других механизмов правосудия переходного периода. Восстановление Мостарского моста, соединяющего две общины, решимость вдов и матерей Сребреницы перезахоронить своих родственников ближе к месту, где они погибли, или написание школьных учебников об арабо-израильском конфликте как израильски-

45 Jacques Sémelin, *Purifier et détruire: Usages politiques des massacres et génocides*, Seuil, 2005, p. 87 (*Purify and Destroy: The political Uses of Massacre and Genocide*, Hurst, April 2006).

ми, так и арабскими историками – все это может уменьшить боль, но никогда не залечит раны полностью. Сложной проблемой для этих расколотых конфликтом обществ является создание системы символического объединения, которая не отрицала бы прошлого, но учитывала тот факт, что память, к счастью, – это динамичный процесс, который подразумевает и забвение, и то, что каждое поколение заново толкует события прошлого.

Заключение

После окончания «холодной войны» западные правительства и НПО произвели инвестиции – в финансовом, политическом и символическом смысле – в создание механизмов правосудия переходного периода, и механизмы эти постепенно стали вектором глобализации, направленным на то, чтобы стабилизировать ситуацию и успокоить и утешить население целых стран.

Эти механизмы могут в долгосрочном плане способствовать возвращению к цивилизованности – при условии, что они не станут набором инструментов, используемых автоматически в любом контексте без учета его конкретного индивидуального характера. Благодаря той притягательности, которую механизмы правосудия переходного периода имеют для общественного мнения Запада, они слишком часто создавались международным сообществом, иногда обходясь очень дорого, без учета внутренней динамики, присущей населению, для которого они, собственно, и предназначались. В некоторых случаях краткосрочные политические преимущества освещения в СМИ рассматривались как более важные, нежели реальные потребности на местах. Механизмы правосудия переходного периода могут сыграть ключевую роль в обществах, расколотых насилием в ходе конфликта. Для этого они должны эффективно содействовать осуществлению желания акторов на местах взять собственную судьбу в свои руки, разработав политические и институциональные меры, гарантирующие невозможность повторения массовых преступлений.

Крайне важно разработать и методы оценки для того, чтобы лучше определить роль международного сообщества, понять причины недолжного функционирования механизмов правосудия переходного периода, если оно имеет место, и определить потенциальные возможности правосудия переходного периода для общественной трансформации и демократизации. Нашей целью в данной работе было предложить для этого набор критериев, используя временные категории и показатели. Но если не будет обеспечена гласность и не будут применяться процедуры мониторинга, механизмы правосудия переходного периода могут оказаться неэффективными и стать удобным оправданием бездеятельности или даже сделать невозможным достижение самой цели социального примирения, ради которой они и были созданы.